

СКРЫТЫЕ ВОЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЯДЕРНОЕ СДЕРЖИВАНИЕ

Круглый стол

14 июня 2017 г. в Москве состоялся международный семинар «Прорывные технологии, будущее сдерживания и вызовы стратегической стабильности» организованный ПИР-Центром, Дипломатической академией МИД России и Школой дипломатической службы имени Эдмунда Уолша Джорджтаунского университета (США). В рамках второй сессии семинара «Скрытые военные возможности и их влияние на ядерное сдерживание» председатель Совета ПИР-Центра Евгений **Бужинский**, доцент факультета политологии Университета Цинциннати Брэндон **Грин** и заместитель директора Института США и Канады Российской академии наук Павел **Золотарёв** обсудили концепцию скрытых военных возможностей и их влияние на глобальную безопасность, рассмотрели концепцию скрытых возможностей на примере эволюции противолодочной борьбы СССР и США в ходе холодной войны.

БРЭНДОН ГРИН: Я хотел бы сконцентрироваться на теоретических и концептуальных аспектах скрытых военных возможностей, на том, как скрытые военные возможности воздействуют на сдерживание и другие аспекты мировой политики. Я начну с определения «скрытых возможностей», объясню, что именно я имею в виду под этим. Затем объясню, почему такие скрытые возможности важны. Какие сложности будут испытывать лица, принимающие решения. Я также задам концептуальные рамки для того, как по-разному представляются разные скрытые возможности, предложу обсудить, какие стратегии государства могут использовать в отношении скрытых возможностей. И, наконец, я подведу итоги, приведу исторический пример стратегической системы противолодочной обороны США во время холодной войны.

Итак, что такое скрытые возможности? Мы используем довольно конкретное определение – это элементы военной силы, эффективность которых зависит от секретности. Это могут быть как традиционные, обычные вооружения, так и ядерные. Приведу несколько примеров: во время битвы за Атлантику, США и Великобритания взломали код шифровальной машины «Энигма», и это очень помогло им вести борьбу с немецкими подлодками. Однако, если бы немецкие военные узнали, что их код был взломан, они могли бы просто его сменить и

преимущество бы исчезло. Точно так же, сегодня мы знаем из открытых источников, что в 1973 году израильская разведка имела особый способ сбора радиоэлектронных данных египетских военных, по сути дела, израильтяне могли напрямую прослушивать египтян. Если бы они использовали эту возможность в 1973 году, то они могли бы предотвратить войну, но поскольку израильтяне боялись, что как только они включат эту систему, то она будет обнаружена, они считали, что риск будет слишком большой и не хотели, чтобы эта возможность у исчезла.

Важно помнить, что есть большое количество потенциальных возможностей, реализация которых зависит от секретности. Сохранение тайны почти всегда помогает военным силам действовать более эффективно, но сейчас мы говорим о тех возможностях, которые напрямую зависят от секретности. Если секретность будет нарушена, то произойдет резкое уменьшение их эффективности.

Приведу еще несколько примеров из времен холодной войны. Из данных разведки ГДР мы знаем, что НАТО и США создали систему радиоэлектронной борьбы, известную как Сапору Wing, которая предположительно могла глушить советские системы ПВО и даже влиять на систему управления советских межконтинентальных баллистических ракет. Как только это было обнаружено, эта уязвимость была устранена. Тем не менее, это является важным примером существования скрытой возможности. Также США удалось взломать транспондер на экспортной версии советских МИГов. Это небольшое устройство, которое помогает самолетам общаться на расстоянии и понимать, кто свой, а кто – чужой, что очень удобно, когда нужно атаковать цели, за пределами видимости. Во время Вьетнамской войны шли жаркие дебаты между ВВС и АНБ о том, использовать ли эту возможность во Вьетнаме. АНБ опасалось, что, если информация об этой возможности станет известна противнику, ей уже нельзя будет воспользоваться в случае, если разгорится полномасштабная война с Советским Союзом.

Итак, мы видим, что лица, принимающие решения, должны постоянно оценивать баланс между секретностью и эффективностью. При этом, роль скрытых возможностей увеличивается. Например, значительный прогресс в системах управления, связи и разведки, с одной стороны, позволяет странам обнаружить уязвимости в системе управления их противников, но, в то же время, создает такие же уязвимости у них самих.

О каких вызовах идет речь? Мне кажется, большую проблему представляет тот факт, что эффективное сдерживание основано на возможности просчета баланса сил. Многие рациональные теории войны говорят о том, что причиной войны является неправильное представление о силах противника. Но, в случае с возможностями,

существование которых зависит от секретности, вы не можете рассчитывать, что сможете одновременно рассказать о них своему оппоненту и ожидать, что сможете ими воспользоваться. Мы называем это «проблемой Машины Судного дня», делая отсылку к замечательному фильму «Доктор Стрейнджлав». Весь смысл такой машины теряется, если о ней не известно противнику. В тоже время, если вы раскроете свои возможности противнику, он может сказать: «спасибо, что сообщили о моей уязвимости, теперь я ее ликвидирую». И преимущество будет утеряно.

Но скрытые военные возможности создают и внутренние сложности для государств. Для защиты скрытых возможностей от разглашения, правительства часто ограничивают и дозируют информацию о них. В итоге, даже люди, которые должны разрабатывать интегрированную стратегию, часто слабо информированы о возможностях, которыми они обладают. Это, так называемая «проблема волшебной палочки». Название появилось в результате интервью с высокопоставленным чиновником из Министерства обороны США, который рассказал, что в ходе военных игр, где используются кибератаки, участникам настолько сложно анализировать разведанные в этой сфере, что кибервозможности появляются в игре как по взмаху волшебной палочки. Информацию о том, как эти возможности работают, никому нельзя разглашать, поэтому, в ходе игры они просто появляются, производят какой-то эффект и исчезают. По итогам таких игр довольно сложно сформулировать какие-то понятные и полезные выводы для лиц, принимающих решения.

Итак, что мы попытались сделать? Мы попытались создать концептуальную структуру того, как скрытые возможности могут изменяться и эволюционировать. Для этого, как принято среди специалистов в сфере социальных наук, мы создали матрицу 2 на 2. Без этого в нашей области никуда.

	Военного преимущества нет	Военное преимущество есть
Политическое влияние есть	Зрелость	Молодость
Политического влияния нет	Смерть	Рождение

Таблица 1.

Горизонтальная ось показывает наличие или отсутствие военного преимущества. По вертикали мы обозначили, оказывает ли информация о наличии данной возможности политическое влияние на принятие решений противником.

Вот, что у нас получилось. Скрытые возможности начинают свой путь в четвертом квадранте, который мы называем «рождением». Они появляются, имеют потенциальное военное применение, но противник о них не знает и на принятие его политических решений они не влияют.

Рано или поздно все скрытые возможности также заканчивают свое существование в квадранте 3 – «смерть». Секрет может оказаться раскрыт или могут произойти технические изменения, в результате чего использовать эту возможность больше не удастся. Страны перестают учитывать ее в своих расчетах, и она попадает в квадрант смерти.

Но между этими этапами существует два положения при которых скрытые возможности могут влиять на мировую политику. Первый квадрант, мы называем «молодостью». Если вы можете сигнализировать, что у вас есть определенные возможности, не выдавая при этом данных, на основании которых их можно было бы нейтрализовать, это даст вам как политическое влияние, так и военное преимущество.

Наконец, возможности могут перейти в стадию «зрелости, когда вы соглашаетесь на неизбежные издержки и принимаете решение сигнализировать о своих возможностях, чтобы получить политическую выгоду, зная, что военное преимущество будет постепенно сходить на нет.

Что же движет скрытыми возможностями в рамках этого жизненного цикла? Во многом, этот процесс зависит от решения государства скрыть, частично раскрыть или полностью раскрыть наличие военной возможности. В свою очередь этот выбор основывается на трех основных переменных:

- значимости военного преимущества, от которого вы отказываетесь, сообщая о его наличии,
- политической выгоде и влиянию на принятие решений противника, которую вы можете получить,
- эффективности стратегий сокрытия или раскрытия возможности.

	Ответные меры противника требуют значительных финансовых / временных затрат	Ответные меры противника не требуют значительных финансовых / временных затрат
Имеющуюся возможность можно легко заменить / продублировать	Раскрытие происходит часто	Раскрытие иногда происходит
Имеющуюся возможность нельзя легко заменить / продублировать	Раскрытие происходит редко	Раскрытие происходит редко

Таблица 2.

В первую очередь нужно обратить внимание на военную ценность того, что мы теряем при раскрытии информации. Государства определяют это, оценивая баланс между двумя факторами. Первый фактор – насколько уникальна эта возможность и насколько ее можно заменить на другую после раскрытия. Второй – как быстро противник может отреагировать на полученную информацию и насколько затратным будет для него устранение уязвимости. Это может быть быстрое и дешевое решение, или, наоборот, долгое и дорогое. Комбинация этих двух факторов будет определять политику государства в отношении раскрытия своих возможностей.

К примеру, если возможность очень редкая и ее практически невозможно заменить, а противник может достаточно быстро и малозатратно ликвидировать уязвимость, о возможностях редко сообщают. Возвращаясь к примеру системы Canopus Wing, возможность оказывать влияние на систему управления противника очень сложно заменить, а противнику, в свою очередь, довольно просто ее устранить, что Советский Союз и сделал, перейдя на новую систему управления в середине 1980х. С другой стороны, если противнику нужно много времени на устранение уязвимости, а у вас есть другая возможность, которой ее можно заменить, информирование противника будет намного более вероятным. Если бы такие комбинации встречались часто, мир был бы намного более приятным местом для жизни, к сожалению, они довольно редки.

International Seminar
“Disruptive Technologies, Strategic Vulnerability, and the Future of Deterrence”
14.06.2017

Ну и между этими двумя крайностями есть ситуации, в которых возможны различные компромиссы. Если возможность легко заменить, а противник может легко устранить уязвимость, есть пространство для информирования противоположной стороны. Тоже верно для ситуации, когда возможность заменить сложно, но устранить уязвимость тоже сложно и займет много времени. В подобных ситуациях государства будут принимать в расчет преимущества, которые они могут получить от информирования противника о своих возможностях. Эта оценка будет различаться в военное время, в период кризиса и в мирное время.

В военное время информирование противника о своих возможностях маловероятно. Лица, принимающие решения, будут просто использовать все возможности для того, чтобы выиграть войну.

Период кризиса отличается от войны наличием разнонаправленных стимулов. С одной стороны, информирование противника о новой военной возможности может позволить избежать войны или оказаться в более выигрышной политической позиции. Но, если озвученную уязвимость можно легко устранить, кризис просто разрешится позже. Например, в 1996 году индийское правительство готовилось к проведению ядерных испытаний, и американский посол обратился в индийский МИД с призывом не делать этого. Он также призвал их не пытаться скрыть свои намерения, поскольку наши спутники давали нам полную картину подготовки к испытаниям. Индийская сторона прекратила подготовку, но, спустя два года, они усовершенствовали свои процедуры, и мы потеряли возможность узнавать о подготовках к испытаниям, основываясь на спутниковых изображениях. В 1998 году Индия провела ядерные испытания. Таким образом, раскрытие возможностей позволило нам выиграть два года, но через какое-то время эта возможность в отношении Индии была потеряна. Резюмируя: раскрытие возможностей в период кризиса будет довольно редким событием и будет происходить в случае, если одна из сторон будет чувствовать, что информирование противник позволит добиться решения какого-то вопроса, а не просто ненадолго отсрочит конфликт.

Наконец, в мирное время раскрытие возможностей перед союзниками и противниками будет наиболее распространено. Если в кризисной ситуации раскрытие информации позволит оценить текущий баланс сил, понять, какая из сторон сильнее, то в мирное время подобная информация может продемонстрировать долгосрочные тренды. На основании этой информации можно сделать вывод о приближении переломных моментов в техническом развитии, после которых одна из сторон приобретет решающее преимущество, принять решение о гонке вооружений или начать войну, чтобы этого не допустить. Подобная

информация может также сигнализировать о уровне готовности сторон к противостоянию. Если одна из сторон более развита технологически, подобные сигналы могут это продемонстрировать и стать стимулом к политическому решению противоречий, что позволит избежать гонки вооружений.

Подобная стратегия может принести большое количество потенциальных выгод. В кризисной ситуации максимальная выгода будет выше, поскольку предотвращение войны является большим успехом. Но и в мирное время раскрытие информации может предотвратить само возникновение кризисов в перспективе, вы можете продемонстрировать противникам, что с вами не стоит связываться и поддерживать союзников. Вы даже можете попытаться повлиять на стратегию и структуру вооруженных сил вашего противника.

Так, например, несколько раз в ходе холодной войны США ставили себе цель вовлечь Советский Союз в более активное использование подводных лодок и снижение упора на ядерные силы наземного базирования. Раскрытие определенной информации может подтолкнуть вашего противника к выгодным вам действиям, повлиять на курс дипломатии и стратегии. Если вы информируете противника о том, что у вас есть возможности, которые будет сложно нейтрализовать, это может создать стимул перейти к политическому урегулированию, пойти на уступки. С другой стороны, это может спровоцировать новый виток гонки вооружений, сценарии могут развиваться по-разному.

Также многое зависит от того, насколько хорошо вы организуете раскрытие информации. Если вы попытаетесь скрыть информацию, а вражеская разведка о ней узнает, это лишит вас военного преимущества. Если вы сообщаете информацию противнику, а ему она безразлична – политических преимуществ вы тоже не получите. Так что разведывательные возможности влияют на принятие решений о раскрытии информации.

Проиллюстрировать теоретическую часть я хочу примером стратегической противолодочной обороны (ПЛО) США против советских подводных лодок времен холодной войны. Несколько слов об истории вопроса: я думаю, что существует определенный миф относительно неуязвимости стратегических подлодок. На самом деле, все очень сильно зависит от того, о какой подводной лодке идет речь, о каком мы говорим месте и времени и так далее. Я скажу несколько слов об изменении подводного военного баланса в ходе холодной войны, и речь пойдет о двух скрытых возможностях США.

Первая возможность базировалась на применении пассивных акустических систем. Основным способом обнаружить подводную лодку является улавливание исходящего от нее шума. Соединенные Штаты в ходе холодной войны мастерски применяли пассивную акустику, но в то время об этом практически никто не знал. Вторая возможность основывалась на успешном перехвате разведкой США сообщений советского ВМФ, что позволяло обнаруживать подводные лодки. В частности, такую возможность Вашингтон получил в результате операции «Березка», когда Соединенные Штаты установили считывающее устройство на советский кабель связи в Охотском море.

Важно понимать, что баланс сил в этой противолодочной борьбе постоянно менялся. Речь пойдет о двух периодах. Первоначально советские подводные лодки выходили в открытый океан, где их уже «вели» американские силы ПЛО. Во втором периоде роли поменялись, советские подлодки отошли к своим базам и теперь уже американским лодкам приходилось совершать переходы, чтобы охотиться на них.

Итак, в 1950-60е годы ключевой инновацией была гидроакустическая система СОСУС (SOSUS), позволявшая прослушивать океаны в поисках советских подводных лодок. Она была настолько хороша, что руководство США приняло решение сохранять ее в тайне любой ценой. Мы брали интервью у одного эксперта, занимавшего в прошлом очень высокую должность в разведке, по его словам, в период с 1950х годов по начало 1970х, в руководстве США было не больше тридцати человек, которые знали о возможностях, которыми обладали ВМФ США по борьбе с советскими подлодками. Это было связано с очень высокой важностью данной технологии. В ту эпоху холодной войны считалось, что конфликт между США и СССР очень быстро перейдет в ядерную фазу, поэтому предполагалось, что советское командование постарается как можно раньше выдвинуть свои подводные силы в океан. Таким образом, информация об массивном выдвигании советских подлодок стала бы ценнейшим предупреждением о начале войны, преимуществом, которое ни в коем случае нельзя было потерять, пытаясь добиться какой-то политической уступки.

В тоже время, руководство США полагало, что, в случае демонстрации этой возможности, Советский Союз мог бы развить собственные гидроакустические мощности. Кроме того, зная, что искать, советские инженеры смогли бы модифицировать свои подлодки таким образом, чтобы избежать обнаружения. В случае информирования о возможности, со временем она была бы потеряна. Таким образом, США в 1950-60е годы полностью доминировали под водой. Практически за каждой советской подлодкой, проходившей в Северную Атлантику, наблюдала

американская подводная лодка, и никто об этом не знал. Даже сегодня эта история мало известна. Конечно, США не извлекли никаких политических преимуществ, приняв решение скрыть свою способность.

В 1970х годах в результате вербовки советскими спецслужбами Джона Уокера, американские возможности оказались раскрыты. Советская разведка узнала принцип действия СОСУС и возможность была потеряна. СССР полностью изменил систему комплектования флота и отвел свои подводные силы во внутренние моря. Были созданы новые подводные лодки, которые были способны нести баллистические ракеты большой дальности, что привело к созданию той схемы «неуязвимых платформ» для ответного удара о которой все говорят сейчас, обсуждая подводные лодки. Таким образом, к середине 1970х годов, советские подводные лодки перестали быть уязвимыми для американского флота, стратегия которого требовала выхода советских субмарин в открытый океан, где за ними можно было бы следить. С этой точки зрения, результат был политическим и военным поражением для Вашингтона.

Баланс сместился еще раз в конце 1970х годов, и, особенно, в начале 1980х при президенте Рейгане. США создали новые возможности для дальней ПЛО. Американский флот вел целенаправленную деятельность по поиску советских ракетоносцев в так называемых «бастионах» в Охотском море и в Баренцевом море. Отчасти это было связано с тем, что у США появилось на вооружении новое поколение подводных лодок и была принята новая стратегия их использования вдали от портов базирования. США также опирались на перехваченные данные, о том, как советский флот применял подводные лодки.

На этот раз ситуация была оценена совсем по-другому, США приняли решение частично продемонстрировать свои возможности. В ходе учений американские подлодки следовали за советскими в «бастионы». Были также продемонстрированы возможности по обнаружению советских подлодок подо льдом, при этом американские субмарины использовали радары, чтобы показать советским кораблям свое присутствие. В целом ряде случаев США пытались продемонстрировать СССР, что то, что казалось Москве невозможным – вполне возможно.

Кроме того, был сделан ряд официальных заявлений относительно американских возможностей. В 1984 году адмирал Уоткинс, выступая на открытой сессии Конгресса, рассказал о так называемой «акустической подписи», которую американцы использовали для отслеживания советских подлодок в «бастионах». По его словам, он сделал это для того, чтобы все точно понимали каков на данный

момент потенциал США, и чтобы СССР не считал, что размещение флота в «бастионах» делало его неуязвимым.

Почему была предпринята попытка продемонстрировать противоположной стороне свои возможности? К этому моменту анализ затрат и выгод виделся американскому руководству по-другому. На завершающем этапе холодной войны стороны исходили из того, что, в случае возникновения, конфликт между СССР и США будет довольно долго вестись с помощью обычных вооружений и только потом перейдет в ядерную фазу. Это значило, что советское командование не планировало выводить лодки из портов на первом этапе конфликта, и система больше не подходила для информирования о начале военных действий. С другой стороны, советские подводные лодки были довольно шумными. Как показали следующие 20 лет, Москва испытывала большие сложности со снижением их шумности. Особенно это касалось стратегических ракетносцев, которые производились в спешке в рамках стратегии укрытия в «бастионах». Так что даже информирование противника об уязвимости не вело к мгновенному исчезновению преимущества.

Результатом стратегии частичного раскрытия возможностей и давления на Советский Союз стало противостояние на северном фланге в начале 1980х годов. СССР тратил значительные ресурсы для нейтрализации скандинавских стран с целью снизить эффективность ПЛО США. Это отвлекало ресурсы с центрального направления, что отвечало интересам Вашингтона. Обеспокоенность американскими техническими возможностями также оказала влияние на советскую дипломатию, одни из первых предложений Москвы в области контроля над вооружениями касались создания на севере зоны, свободной от подводных лодок. Можно сказать, что характер дискуссии между СССР и США изменился отчасти в связи с раскрытием информации американцами.

ЕВГЕНИЙ БУЖИНСКИЙ: Так как название нашей сессии все-таки «Скрытые военные возможности и их влияние на ядерное сдерживание», я все-таки несколько слов скажу о ядерном сдерживании. О нем говорилось уже во время первой сессии в контексте стратегической стабильности, но все-таки я немного повторю. В концепции ядерного сдерживания содержится глубокое внутреннее противоречие. С одной стороны, оно нацелено на то, чтобы снизить возможность войны, сделав ее чудовищно разрушительной. Для этого государство должно обладать такими ядерными силами, которые позволяют выполнить задачу гарантированного уничтожения противника, причинить ему невосполнимый ущерб даже в том случае, если данное государство первым подвергнется ядерному нападению. С другой стороны, для достижения сдерживающего эффекта угрозе применения ядерного

оружия надо придать достоверный, убедительный характер. Для этого ядерную войну надо сделать менее разрушительной, но, тем самым, и более вероятной. Этот подход лежит в основе концепции ограниченной ядерной войны: будь то в рамках театра военных действия или ограниченного стратегического обмена.

Я лично не верю в возможность ограниченного ядерного конфликта между Российской Федерацией и Соединёнными Штатами на театре военных действий. Да, я знаю, в Соединённых Штатах существуют теории о том, что можно применить ядерное оружие, где-нибудь в Европе или в Азии, а вот Соединённые Штаты, естественно, за двумя морями, океанами останутся неуязвимыми, и все будет хорошо. Я думаю, что это ошибочное убеждение. Эскалация неизбежна.

В Соединённых Штатах на всех уровнях есть глубокое убеждение, о том, что теория деэскалации, применения ядерного оружия для деэскалации конфликта – это часть официальной военной доктрины Российской Федерации. Я пытался убедить своих контрагентов в Соединённых Штатах, что нет ни одного официального документа, в котором упоминалась бы эта концепция деэскалации. В военной доктрине содержится два случая, не буду их повторять, применения ядерного оружия. На что, естественно, американцы махали руками: «ну, мы знаем вас, у вас есть официальная открытая доктрина, а есть еще секретные какие-то протоколы, вот в этих секретных протоколах все это расписано». Я никогда об этом не слышал. Это выдумки, которые американцы сначала придумывают, а потом убеждаю весь мир, что это существует на самом деле.

Для придания достоверности возможности применения ядерного оружия проходило наращивание стратегических ядерных сил, а также развитие тактического и оперативно-тактического ядерного оружия. Иными словами, наряду с потенциалом ядерного возмездия целый ряд государств, как отмечалось выше, работает над развитием потенциала ведения реальных боевых действий. Новый виток деятельности такого рода, как правило начинали Соединённые Штаты, и надо признать, что военно-стратегические оперативные стимулы и научно-технические возможности по наращиванию такого потенциала являются практически неограниченными. И ограничения, вводимые сторонами ради обеспечения стратегической стабильности, являются, прежде всего, продуктом политических решений, но опирающихся на серьезную научно-техническую и оперативно-стратегическую экспертизу.

Ряд экспертов полагает, что в действительности никакого противоречия между этими двумя аспектами ядерного сдерживания нет. Чем лучше страна подготовлена к войне, тем более широкий круг задач способны решать ядерные силы, тем

эффективнее противник удерживается от нападения. Однако, другая сторона неизбежно воспринимает меры по созданию потенциала ведения реальных боевых действий как свидетельство агрессивных намерений, как попытку выйти из тупика взаимного гарантирования уничтожения, добившись возможности вести и выиграть ядерную войну. Еще раз отмечу, что устойчивость ситуации ядерного сдерживания тем выше, чем сильнее уверенность каждой из сторон в том, что противник не может нанести ей первый обезоруживающий удар, и что она в любых условиях сможет осуществить возмездие. Подобная ситуация является следствием как взаимной уязвимости, так и взаимной неуязвимости. Каждая из сторон крайне уязвима в том смысле, что огромная часть ее населения, промышленного потенциала может быть уничтожена противником. В то же время стратегические силы каждой из сторон обладают в значительной степени неуязвимостью, гарантирующей возможность нанести ответный удар.

Теперь несколько слов о скрытых военных возможностях в контексте ядерного сдерживания. Естественно, речь прежде всего идет о Российской Федерации и Соединенных Штатах. Те примеры, которые приводил доктор Грин, для иллюстрации скрытых возможностей: Израиль, «Энигма» – это все, в общем-то, примеры не скрытых возможностей, а, с моей точки зрения, успешных операций разведки: либо агентурной, либо технической. Поэтому я должен сказать, что если говорить о скрытых возможностях Советского Союза, то в силу закрытости самой системы, они были значительно выше, чем скрытые возможности Соединенных Штатов. Это мое глубокое убеждение.

Теперь, что касается скрытых возможностей в контексте ядерного сдерживания. Как правило, очень трудно скрыть разработку новых образцов стратегических наступательных вооружений. Взаимное информирование об этих разработках, включая испытания, включая основные характеристики – дальность, количество боезарядов либо на МБР, либо на межконтинентальных ракетах, подводных лодках – все это является предметом действующих договоренностей, договора об ограничении стратегических наступательных вооружений. Поэтому возможностей для того, чтобы скрыть их, сделать секретными – нет.

Более того, практика показывает, что каждая из сторон заинтересована в доведении до другой стороны информации о том, что она обладает или готовится овладеть новыми образцами СНВ, способными нанести максимальный ущерб противоположной стороне. Речь касается и мобильных пусковых установок, и того, что Российская Федерация, разрабатывает комплекс баллистической ракеты на железнодорожной платформе – все это доводится до противоположной стороны.

Свидетельство ли это скрытых возможностей? Наверно да. То же самое касается и подводных лодок нового поколения, более совершенного комплекса средств преодоления систем ПРО, которые устанавливаются на баллистические ракеты. То же самое, Российская Федерация обнародовала планы по созданию новой тяжелой ракеты – все это доводится либо по официальным каналам, либо неофициальным. То же самое касается и модернизации стратегических наступательных вооружений Соединенных Штатов.

Другое дело, если речь идет о характеристиках стратегических наступательных вооружении, не ограничиваемых договором, таких как гиперзвуковое оружие, работа над малошумностью подводных лодок, технология stealth – да, это может быть предметом секретных разработок. Но, все равно, при нынешнем состоянии технических возможностей, средств наблюдения и разведки очень трудно скрыть испытания тех или иных видов вооружений. Поэтому я не очень высоко оцениваю скрытые возможности, и способность той или другой стороны надежно спрятать или укрыть возможности стратегических наступательных вооружений от соперника.

Конечно, если рассматривать в качестве скрытых возможностей введение противоположной стороны в заблуждение в отношении своих возможностях, тут можно говорить об успешных примерах. В частности, я считаю, что американские «успехи» в области противоракетной обороны, концепция кинетического перехвата «пуля в пулю» – это из области fairytales, как и рассказы о 18 успешных испытаниях. Все эти испытания проводятся в искусственных условиях, многие из них с «подсветкой», когда известно направление и скорость цели. Но, тем не менее, американцы пытаются убедить весь мир, что их противоракетная оборона способна перехватывать чуть ли не одной противоракетой одну боеголовку.

Ну, и в заключение я хотел бы немного остановиться на освещенной авторами стратегии борьбы с подводными лодками в годы холодной войны. Мне, я должен сказать, немножко даже обидно стало – такая уничижительная характеристика подводного флота Советского Союза: «низкая степень боеготовности», «низкая степень оперативной готовности», «низкий профессионализм», «отсутствие навыков» и так далее. Что в советское время и лодки у нас были самые шумные, и моряки-то ничего делать практически не умели, и на боевом патрулировании находилось только 10% от тех лодок, которыми обладал Советский Союз. Это, конечно, американские оценки, как говорится, бог им судья, но должен сказать, что с моей точки зрения, абсолютно некорректны.

Вот если взять систему sound surveillance system, SOSUS, о которой много говорится в расширенной части доклада. Уже в конце 1960х годов советская военная разведка

была прекрасно осведомлена об этой системе, разрабатывались меры противодействия, были аналоги, кстати, и в Советском Союзе, о которых может быть американцы и не знали, а может и знали, но авторы об этом не пишут. А уж в середине 1970х годов эта система вообще широко изучалась в советских военных – ничего секретного, ничего революционного для советских военных моряков в ней не было.

Что касается низкой боеготовности, низкого профессионализма советского подводного флота, о котором пишут авторы доклада, то, должен сказать, что вообще-то история российского подводного флота насчитывает 106 лет, и первая подводная лодка, пусть одноместная, была изобретена еще в 1773 году. Американцы свою первую подводную лодку на 50 лет позже сделали, в 1823 году. Почему-то авторы доклада пишут, что только когда у нас появились лодки проекта 672, тогда только Советский Союз мог выйти на боевое патрулирование, забывая, что еще в 1958 году у СССР была подводная лодка проекта 641 по натовской классификации «Фокстрот». Это многоцелевая подводная лодка океанского класса, которая находилась на боевом патрулировании, считалась лучшей в мире дизельной подводной лодкой такого класса. В 1961 году появились первые атомные подводные лодки, вооруженные баллистическими ракетами, которые вышли на боевое патрулирование сначала в северную Атлантику, а потом в Ледовитый океан, обогнули несколько раз Северный полюс. Поэтому мне кажется, что в данном случае, говоря о скрытых возможностях, Советский Союз достаточно успешно ввел в заблуждение наших американских противников, которые считали, что они имеют такое огромное преимущество в плане подводных лодок, что Советскому Союзу с ними тягаться совершенно не по силам.

Да, естественно, у нас разная основа ядерных триад. У Советского Союза/Российской Федерации основа – это межконтинентальные баллистические ракеты, либо стационарные, либо мобильные. У американцев основной упор – это ПЛАРБ и дальняя авиация. Но, тем не менее, ни Советский Союз, ни Российская Федерация ни тогда, ни сейчас уж особо сильно от американцев не отставали.

ПАВЕЛ ЗОЛОТАРЕВ: Надо исходить из того, что в условиях, когда Россия назначена Соединенными Штатами противником – это конечно временно, но надолго, задача ядерного сдерживания будет оставаться актуальной. Одновременно мы находимся на этапе, когда достаточно бурно развиваются новые технологии, и неизбежно, они приводят к появлению таких систем вооружений и военной техники, которые могут и оказывают влияние на поддержание стратегической стабильности. Здесь уже упоминалось, что сама постановка вопроса о важности информации не

нова в военной политике, и вполне закономерно вспоминалось знаменитое высказывание Сунь Цзы. Там, конечно, шла речь о введении в заблуждение, о дезинформации противника. Мы говорим сейчас о задаче сознательного информирования противника по тем или иным вопросам.

Впервые я лично осознал важность этой задачи благодаря встрече с Робертом Макнамарой. Он был у нас в институте в начале 2000х годов, незадолго до своего ухода из жизни, и естественно вспоминал период Карибского кризиса. И вот он подчеркивал, что, если бы он в тот период знал, что советские войска на Кубе имеют не только боеголовки для ракет, но и тактическое ядерное оружие, ему было бы гораздо легче выдерживать давление разведки и военных, которые настаивали на немедленной бомбардировке и вторжении на остров, потому что для военных было бы ясно, что это связано будет с колоссальными потерями. Он подчеркивал, что знание этой информации было бы существенно полезным для снижения риска возникновения ядерной войны.

Другой пример может быть несколько спорный, потому что это связано с моим мнением, я бы привел с того периода, когда готовился Договор о ракетах средней и меньшей дальности. К этому времени уже была принята на вооружение система, которую американцы любовно называют «Мертвая рука», у нас она называется «Периметр». И, наверно, если бы мы заявили, что при размещении ракет Pershing II в Европе вынуждены будем установить эту систему в режим готовности, условия по составу сокращаемых сил, по количеству сокращаемых сил и средств был бы иными, не создавался бы тот дисбаланс, который закреплён в нынешнем договоре. На этом этапе вполне достаточно было бы использовать информацию о возможностях такой системы. Это вовсе не значит, что надо было раскрывать ее характеристики, это совершенно не обязательно, но сам факт ее наличия можно было использовать.

Поэтому я еще раз говорю, что постановка задачи, которая здесь прозвучала сегодня абсолютно правильная. Другое дело, какими критериями руководствоваться для того, чтобы постараться вывести какие-то закономерности. Кроме того, было бы правильным здесь выделить несколько временных этапов, когда эта задача может быть актуальна и, в связи с этим, определить, какие цели ставить. Например, мне кажется целесообразным выделить ситуацию мирного времени, ситуацию угрожаемого периода и конфликтную ситуацию.

Если мы говорим о ситуации мирного времени, здесь приоритетной задачей может быть предотвращение неразумной гонки вооружений. Но, опять-таки, все зависит от того, какую цель ставит то или иное государство. Если цель состоит, наоборот, в том, чтобы спровоцировать противоположную сторону на гонку вооружений, исходя из

того, что это может подорвать ее экономический потенциал, то тогда другое дело. Так кампания дезинформация по программе «звездных войн», наверно, в значительной мере сознательная, привела к ситуации, когда Соединенные Штаты получили мощный прорыв в области развития интернета, всемирной сети, а Советский Союз в это время кинулся срочно делать железяки для того, чтобы преодолевать несуществующие системы противоракетной обороны. И, в общем-то, это дорого нам обошлось на этапе, когда и так у нас была непростая ситуация. Поэтому, даже говоря о мирном времени, цели, с которыми производится сознательная выдача информации могут быть разными. Хотя, с точки зрения здравого смысла, правильнее было бы выделить задачу предотвращения неразумной гонки вооружений.

Кроме этого, в мирное время, конечно, должна рассматриваться и задача сдерживания, не сиюминутного, а долгосрочного, а также задача снижения риска применения ядерного оружия. Даже при том, что мы считаем, что вряд ли возможно осознанное применение ядерного оружия, говорить, что в мирное время эта вероятность совершенно нулевая, нельзя. Мы знаем случаи выдачи ложных сигналов, в перспективе могут возникнуть сценарии, связанные с одновременной кибератакой, другие критические ситуации. Некоторые элементы системы предупреждения о ракетном нападении находятся в космосе, при этом на околоземной орбите растет конкуренция, растет угроза от космического мусора. А сегодня и Россия, и Соединённые Штаты на свои космические аппараты возлагают одновременно функции и системы предупреждения о ракетном нападении, и передачи приказов боевого управления в условиях ведения войны, и вот выход таких объектов из строя по непонятной причине в сочетании с другими факторами может создать риск эскалации. И здесь нам требуется в мирное время выработка рекомендаций по прозрачности этих систем, может быть даже по взаимодействию для снижения рисков.

Что касается *угрожаемого* периода, здесь тем более важно иметь возможность давать такую информацию. Вопрос только: какую и когда. Сейчас мы наблюдаем тенденцию к развитию неядерных высокоточных средств, и здесь желательно иметь достаточно точную информацию о возможностях этих средств, прежде всего, по нанесению контрсилловых или обезглавливающих ударов. В первую очередь я имею в виду российскую сторону, учитывая географическое положение Соединенных Штатов, они с такой угрозой вряд ли могут столкнуться. Для нас она актуальна, тем более, что с повестки дня не снят вопрос о расширении НАТО и приближении его инфраструктуры к нашей стране. И, как я говорил, мы сейчас назначены в качестве противника. Плюс, перспектива развития американских военно-морских сил связана

с увеличением потенциала проецирования силы на региональном уровне для нанесения именно неядерного удара.

Наконец, мы должны учитывать и потенциал противоракетной обороны, но не в плане угрозы отражения нашего ответного удара. Я думаю, в обозримой перспективе Соединенные Штаты не в состоянии такую угрозу создать: ни региональной системой ПРО на европейском театре (в других регионах тем более), ни ПРО на континенте. Характеристики имеющихся средств, здесь я абсолютно согласен с Евгением Петровичем Бужинским, потенциал ракет, противоракет, расположенных на континенте, сознательно скрываются американцами не потому что они очень высокие, а потому что они очень низкие. Ну, это их дело, им, наверно, надо и дальше получать средства на разработку, но это не угрозы для нас. А вот с региональной системой ПРО в контексте конфликта с применением обычных вооружений уже надо считаться, сочетание их ударных средств с возможностью вывода из строя критических объектов инфраструктуры и возможностью срыва наших ответных действий – это мы должны анализировать.

Нужно иметь определенную ясность относительно возможностей друг друга, и, я думаю, что в этом должны быть заинтересованы и Соединенные Штаты, чтобы не возникало ситуаций, которые могут спровоцировать эскалацию конфликта. Я думаю, что представленная работа дает основания для того, чтобы подумать об ее продолжении в совместном формате, возможно, с привязкой к конкретным сценариям. Пусть это будут рекомендации научных кругов, но может быть к ним и прислушаются политики, военные, и это приведет к каким-то шагам по обмену информацией. Ведь мы даже в период холодной войны, когда готовили договор о сокращении стратегических наступательных вооружений, обменялись полностью координатами наших стационарных пусковых установок. Мы в этот период имели примеры обмена информацией, пусть не с той целью, которую мы рассматриваем сегодня, но все-таки имели. Этот опыт холодной войны по снижению рисков применения ядерного оружия нельзя забывать и надо использовать и в будущем.